

написала
Машиа Трауб

нарисовал
Валера Козлов

Кот Тихон

и

новые
испытания

книги
Вилли
Винки

Маша Трауб

Кот Тихон и новые испытания

Серия «Приключения кота Тихона»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68781498

Кот Тихон и новые испытания / М. Трауб ; ил. В. Козлова.: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-150288-1

Аннотация

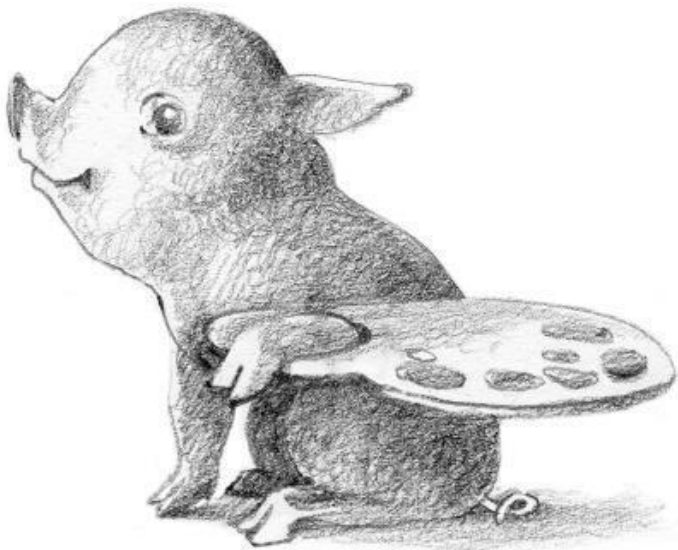
Новая история о музейном коте Тихоне от известной журналистки и писательницы Маши Трауб. Здесь вместе с новыми друзьями – прекрасной кошечкой Норой, морской свинкой Марысей, псом Вениамином и совой Владимиром Семёновичем – Тихон отправляется в путешествие на настоящем корабле, мечтая вернуться домой в музей или хотя бы отыскать старого друга Котовского. Но на этом пути его ждут невероятные и головокружительные испытания. Приблизят ли они его к мечте?

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Маша Трауб Кот Тихон и НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Написала Маша Трауб
Нарисовал Валера Козлов

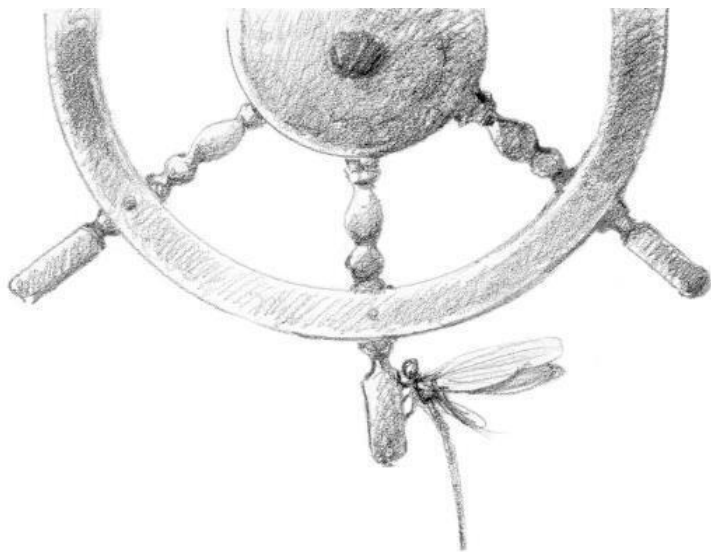

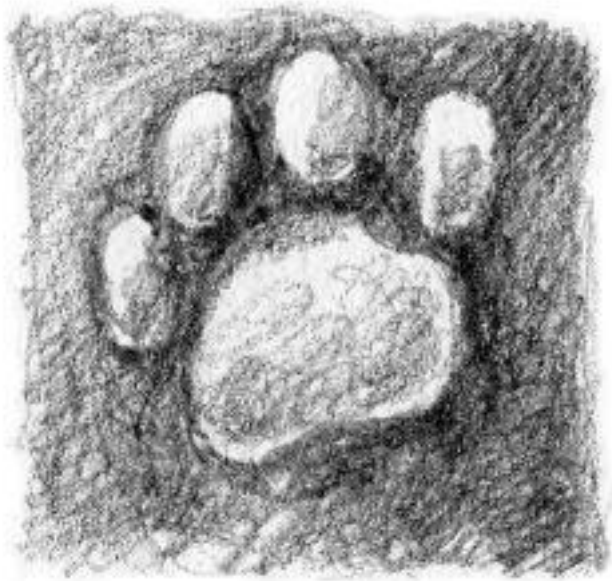
Для среднего школьного возраста.

© Козлов В., иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Эти дни на старой барже «Белка» казались Тихону самыми счастливыми в жизни. Они с Норой научились ловить жуков-плавунцов и стрекоз. Пёс Вениамин настраивал приборы – баржу он ласково называл «Белочка». Им удалось пришвартоваться у заброшенной пристани. На речном пассажирском теплоходе, брошенном, ставшим вдруг ненужным людям, оказался приличный запас топлива, мясных консервов и пресной воды. Там же Вениамин нашёл необходимые инструменты и материалы, чтобы заделать течь в трю-

ме. Морская свинка Марыся, научившаяся читать навигационные карты так, что даже опытный мореплаватель Владимир Семёнович восхищённо ухал, прокладывая курс следования. По вечерам они, собираясь в кают-компанию, смеялись, вспоминали деревенскую жизнь. Кошка Нора сворачивалась клубочком, и Тихон мог издалека ею любоваться. Марыся рассказывала, какие медузы водятся в Чёрном море и какие встречаются рыбы. Они с Норой вспоминали, как гастролировали с Театром зверей по побережью и как тепло их принимали в каждом городе. Проснувшись до рассвета, Тихон изучал атласы, мореходные карты и пытался заполнить стёршиеся указания Котовского. В каком городе сейчас его друг и остальные коты? В каком порту? А может, Тихон ошибся? Может, координаты указывают не на Чёрное море? Всё-таки у него была только малая часть карты. Остальное было стёрто. Если координаты указывали на Чёрное море, то в каком городе лучше сойти? Ведь они плыли по Оке, а Ока, как известно даже котяткам, впадает в Волгу, а Волга – в Каспийское море.

Даже если они доплывут до какого-то города, как найдут корабль, чтобы отправиться дальше? Как на него попадут? Или путешествие придётся продолжить на поезде? Всё-таки Владимир Семёнович прав – их странная звериная компания привлекает слишком много внимания. Так или иначе, они всё дальше уплывали от родного города. И от этого Тихону становилось очень грустно. Но несмотря на тяжкие раздумья, именно в те дни он спал глубоко и спокойно. По утрам выходил на палубу, смотрел на реку, воду, предрассветное солнце и ему хотелось хотя бы на мгновение удержать это спокойствие, умиротворённость. Даже счастье. Да, в те дни Тихон чувствовал себя счастливым.

...В это самое время кошка Мона, мама Тихона, сидела

в музее на подоконнике за портьерой и смотрела на улицу. На этом самом подоконнике так любил прятаться её единственный сын. Именно здесь она показала ему, как лапой открыть окно, чтобы выбраться в мир, который так его манил. Мир за стенами музея. Полный приключений, опасностей, настоящей жизни. Где теперь её Тихон? Жив ли? Материнское сердце подсказывало – жив. Вернётся ли? Сердце ответа не давало.

Мона спрыгнула с подоконника и отправилась бродить по пустынным залам. Ей нравились эти тихие утренние часы. Раньше она наслаждалась этим временем. А сейчас... После всего случившегося – похищения знаменитой картины, битвы котов и мышей, в результате которой директору пришлось передать в приюты всех котов-защитников, включая малышей-котят, в музее стало слишком тихо. Даже посетителей меньше. Дети, будто почувствовав, что не увидят в музее кота или кошку, капризничали и отказывались ходить с родителями на экскурсии. После проведённой дезинфекции от мышей изменился в музее и запах. В залах неуловимо пахло чем-то едким. Мона больше не могла насладиться ароматом старых полотен и краски, который так любила. Смотрительница, Наталья Николаевна, забравшая Мону в дом, не могла видеть страдания кошки. И поэтому каждый день приносила свою любимицу в музей, зная, что оставаться одной в квартире той будет невыносимо.

– Ну что ты? Потерпи. Всё наладится, – уговаривала Мо-

ну Наталья Николаевна и брала ласково к себе на колени. Чесала за ухом, гладила. Мона была ей благодарна, но она не знала, как жить дальше – без своих маленьких подопечных котят, без уроков по искусству в школе. Она лишилась не только любимого мужа, сына, о судьбе которого ничего не знала, но и дела, которому посвятила всю свою жизнь. Ей больше некому было рассказывать про картины, про музей, художников. Не нужно было проверять домашние задания и готовиться к урокам. Класс, в котором раньше всегда стояло дружное мяуканье котят, был пуст. Моне некого было призывать к порядку на переменах, разнимать котят, мальчишек-драчунов, и отговаривать кошечек-девочек, которые хотели перекрасить шерстку из белой в чёрную или наоборот. Мона скучала по своим ученикам. Ей не хватало их мяуканья, доверчивых глаз.

Директор музея тоже появлялся на работе спозаранку. Он сидел в своём кабинете и не знал, что делать. Устраивать новую выставку? Выставлять картины из запасников? Да, надо бы, но он тоже был опустошён произошедшим. Чувствовал, что музей потерял что-то главное. Тепло, невидимую защиту. То, что всегда привлекало детей и взрослых – место, где им хорошо и спокойно. Где каждый юный художник может приткнуться в углу, как котёнок, и делать наброски. Где всем всегда были рады, в любое время. Теперь музей стоял пустым, открываясь и закрываясь по часам. Он стал просто зданием с картинами, потерял душу.

Каждое утро к директору приходил Винсент. Директор готовил для него завтрак – кусочек сыра или печенья, ягодку или зёрнышко.

– Доброе утро, дорогой друг, – приветствовал его директор.

Старый мышь пицал в ответ.

– Рад тебя видеть, – искренне говорил директор. – Как ты себя чувствуешь? У меня вот сердце ноет. Давление скачет. Совсем стал старой развалиной.

Мышь издавал ответный писк и кивал.

– Да, понимаю, в нашем возрасте у каждого свои болячки, – соглашался директор. – Подскажи, что делать?

Мышь молчал.

– Вот и я не знаю. Одни мы с тобой остались из старой команды. Да ещё Наталья Николаевна, дай бог ей здоровья, с Моной. Мой новый заместитель – я его не выбирал, меня просто поставили перед фактом, набрал смотрительниц, сотрудников. Они ничего не понимают в искусстве. Им – что музей, что офис. Они не чувствуют того, что чувствуем мы. Скоро и меня попросят из музея – я для молодёжи слишком старый. Сам знаешь, как это происходит. Ещё вчера ты считался мэтром, а сегодня – никто, и место тебе на свалке истории... Ничего не слышал про своих друзей? Про Тихона? Наталья Николаевна говорит, что Мона ходит грустная, места себе не находит от волнения. Ничто её не радует.

Винсент помотал головой. Он уже спрашивал у кого только мог – никто, даже всезнающие крысы, ничего не слышали про Тихона. Исчез, будто сквозь землю провалился.

– Мыши не появились? – спрашивал директор.

Винсент опять мотал головой.

– Понимаю. Мне самому каждый день приходится сюда тяжело. Это теперь не мой дом, – признавался директор.

Моне не приходилось оставлять след от лапы на раме картины, чтобы назначить тайную встречу с Винсентом – необходимость в знаках и секретных встречах отпала. Каждое утро они встречались на подоконнике за портьерой, даже не скрываясь.

– Ничего не узнал? – спрашивала Мона.

– Нет, – отвечал Винсент.

– А про Котовского и остальных?

– Тоже нет. Никто не знает.

– Как ты сам?

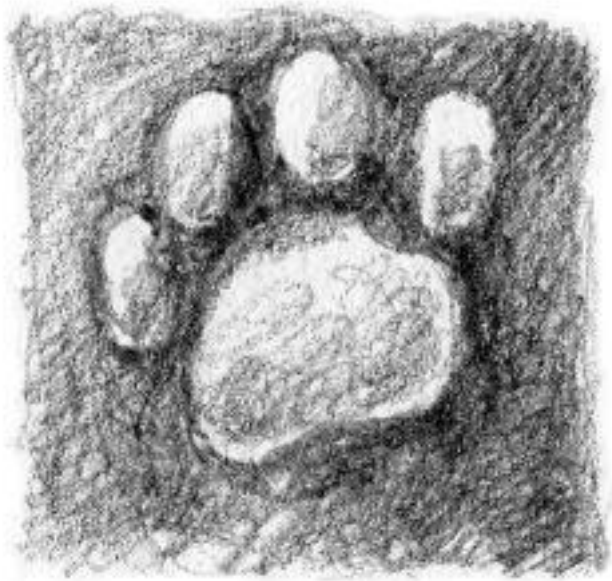
– Ничего. Видишь, ещё бегаю. А вот ты мне совсем не нравишься. Даже директор за тебя волнуется.

– Я сама себе не нравлюсь, – признавалась Мона, – впервые в жизни осталась без работы, без дела. Наталья Николаевна всё время говорит, что я должна поесть и поспать, а я не могу ни есть, ни спать. Не привыкла сидеть без дела. Вот и расклеилась...

– Он вернётся, не сомневайся, – заверял Мону Винсент, – он умный кот. И очень похож на своего отца. Значит, справится, не сдастся.

– Да, Тиша очень похож на своего отца... – Мона начала тихонько плакать. Коты, собаки, мыши умеют плакать, хотя люди думают, что они на это не способны. Ещё как способны. Звери плачут, когда им очень больно или горько. Настоящими слезами.

Однажды утром Мона, сидя за портьерой, дотронулась лапой до оконной рамы. Та неожиданно открылась. Мона слушала, как щебечут воробьи, курлыкают голуби, слетевшиеся на разбросанные хлебные крошки, как заводятся машины. Неожиданно к этим звукам добавился ещё один – писк. Совсем слабый, еле слышимый для людей. Но не для котов. Мона, не раздумывая, выскочила из окна и побежала на звук. Во дворе было слишком много отвлекающих шумов – она металась, не в силах понять, откуда он доносится. Но сдела-

ла так, как учила своих учеников перед важными экзаменами – расслабиться, отключить ненужные эмоции, сосредоточиться на том, что важно в данный момент. И поняла – писк доносится из подвала. Там обосновалась небольшая лавка – пекли хлеб, пирожки на продажу. Директору не нравилось соседство – дым мог навредить картинам, но сделать ничего было нельзя. По человеческим законам лавка никак не мешала музею. Мона бросилась внутрь и побежала в подвал. От невыносимых запахов у неё закружилась голова. В подвале было грязно. Повсюду многолетняя плесень. В ящиках – гнилые продукты. Мона перебиралась через мусор и, наконец, дошла до коробки, из которой доносился писк. Пять котят. Ещё слепые, только родившиеся. Видимо, кто-то подбросил, чтобы побыстрее от них избавиться.

Мона бросилась назад. Но заскочить с обратной стороны здания на подоконник музея не смогла – не хватило сил. Побежала к главным дверям – закрыто. К запасному входу – дверь заперта. Мона понимала – на улице холодно, долго котята без тепла не проживут. Неизвестно, сколько они пролежали в коробке и когда в последний раз ели, если ели вообще. Мона оббежала здание музея – все двери, включая подсобные, были наглухо заперты. Но ведь как-то мыши попадали в музей? Значит, есть и потайной ход. Только где его искать? Ну, конечно, там, где больше всего пахнет химикатами. Мона закрыла глаза, заставила себя отстраниться от

других запахов и сосредоточиться на главном.

Она почувствовала запах, шедший из невидимой норы. Мона задыхалась, у неё начали слезиться глаза, но она заставила себя зайти в нору. Тут ей стало совсем нехорошо. Она попала в мышиный мир, который мало чем отличался от кошачьего. Мона увидела нору, оборудованную под школьный класс. Норку-спальню, норку-столовую. Мона застыла перед норкой, где лежали игрушки. Маленькие мышата, похожие на те, в которые играли её подопечные котята. Подушки с изображением мышат, одеяльца. Куклы – мышки-мамы и мышки-дети. Мона не могла дышать и двигаться. Она стояла на пороге игровой комнаты и не понимала, как могла считать мышей врагами. Они ведь такие же, как и кошки. У них была своя жизнь. И им тоже пришлось сбежать, бросив её. Лишить детей занятий, привычных игрушек, даже вкусностей – Мона увидела печенье, которым так любили лакомиться котята. Значит, мышата тоже его любили. Как они, взрослые, могли разрушить сразу два мира? Ради чего? Власти? Никакая власть не стоит брошенных игрушек.

Мона почувствовала, что падает на пол – она не могла вдохнуть, голова закружилась. Не помнила, что случилось потом. Помнила только Винсента, который вдруг оказался рядом.

– Котята... в подсобке, в лавке. Слепые. Надо спасти, – прошептала Мона и потеряла сознание.

Она очнулась на руках у Натальи Николаевны.

– Ну, наконец! – радостно воскликнула та и нежно поцеловала кошку. – Я так испугалась! Ничего, вот, попей водички, скоро станет лучше. Ты надышалась отравы. Я сама этот запах до сих пор чувствую.

Мона попила воды и снова запрыгнула на колени к Наталье Николаевне. Она мяукала и показывала на дверь.

– Не переживай. Живы котята, – догадалась Наталья Николаевна. – Все живы. Мы их отвезли к ветеринару на осмотр. Сама понимаешь – котята чуть не замерзли в том ящике. У меня сердце едва не остановилось, когда я увидела этих малышей. Врачи сказали, ещё пару часов и они бы были бессильны. Ты их спасла.

– Ну что? Очнулась? – в зал вошёл директор.

– Да, пришла в себя, – ответила Наталья Николаевна.

Мона подбежала к директору и с благодарностью потёрлась о его ногу.

– Ну что ты? Это всё Винсент! Он меня и Наталью Николаевну чуть ли не силком в тот подвал притащил, – сказал

директор. – Ещё немного, и я точно начну понимать мышинный язык. Удивительно, просто удивительно. Я и не знал, что вы – друзья.

Мона увидела, что Винсент сидит на плече директора.
– Спасибо, – сказала Мона Винсенту.

Но одна мысль не давала ей покоя. Да, сейчас малыши находятся в ветеринарной клинике, но что с ними будет дальше. Какая судьба их ждёт? Хорошо, если найдутся приёмные семьи, а если нет? Котята не породистые, самые обычные, а таких редко забирают.

Мона подбежала к Наталье Николаевне, вспрыгнула на колени и положила лапы на её грудь.

– Ну что ты, что ты... – смотрительница погладила кошку, – тебя что-то беспокоит?

Мона мяукнула несколько раз. Потом соскочила с колени смотрительницы и подбежала к директору. Ещё раз мяукнула.

– Мне кажется, она о чём-то просит, – догадалась Наталья Николаевна.

Мышь в подтверждение догадки пискнул.

– Только не говорите мне, что мы должны приютить всех котят здесь, в музее! – Воскликнул директор. – Нет, я не готов. Больше не хочу никого терять. А если с ними что-то случится, как с Тихоном и всеми остальными? Я не выдержу ещё одной потери! Мы найдём котяткам семьи. Хорошие. Обещаю вам! Слово директора музея!

Мона мяукнула и убежала за портьеру.

– Она тоскует, – заметила Наталья Николаевна. – Ей нужно себя чем-то занять, пока она ждёт возвращения сына. Котята могут стать её спасением. А, возможно, и нашим. Музей без котов уже не тот. Сами видите. Ну что мы, нескольких

котят не прокормим? Я уверена – Мона сможет о них позаботиться.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой директор.

Винсент, сидевший на плече, положил лапу на щеку директора и пискнул.

– А ты вообщемышь, если забыл! Зачем тебе на старости лет котята под боком? Вы меня с ума сведёте! – всплеснул руками директор. – Делайте, что хотите. Только пусть держатся подальше от моего кабинета. Я не собираюсь с ними играть, кормить и менять лотки! Не хватало ещё, чтобы они лежали на моём рабочем столе!

Через две недели Мона с Винсентом столкнулись в дверях директорского кабинета. Там же стояла Наталья Николаевна. Директор сидел на полу и с умилением смотрел, как котята лакают молоко из блюдца. После этого он взял одного на руки и сел за стол. Котёнок тут же устроился на кипе бумаг. Ещё один мяукал под ногами. Директор взял его на руки и начал гладить. Остальные тоже ждали своей очереди.

– Ну вот что вы со мной делаете? – ахнул тот и усадил всех

на колени, на стол. – У меня работы полно, а я тут с вами... Надо попросить у Натальи Николаевны клубки ниток и другие кошачьи игрушки, чтобы вы играли, пока я работаю.

Наталья Николаевна улыбалась. Мона с Винсентом тоже.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Винсент кошку.

– Чувствую себя бабушкой! – радостно воскликнула Мона. – Столько с ними забот! Они из меня верёвки выют! Ничего не могу с собой поделать. Раньше считалась строгой учительницей, а сейчас... Забросила обучение, только играю с ними, обнимаю и целую. А они этим пользуются. Если что-то натворят, подбегают и начинают меня облизывать. Я тут же перестаю на них сердиться.

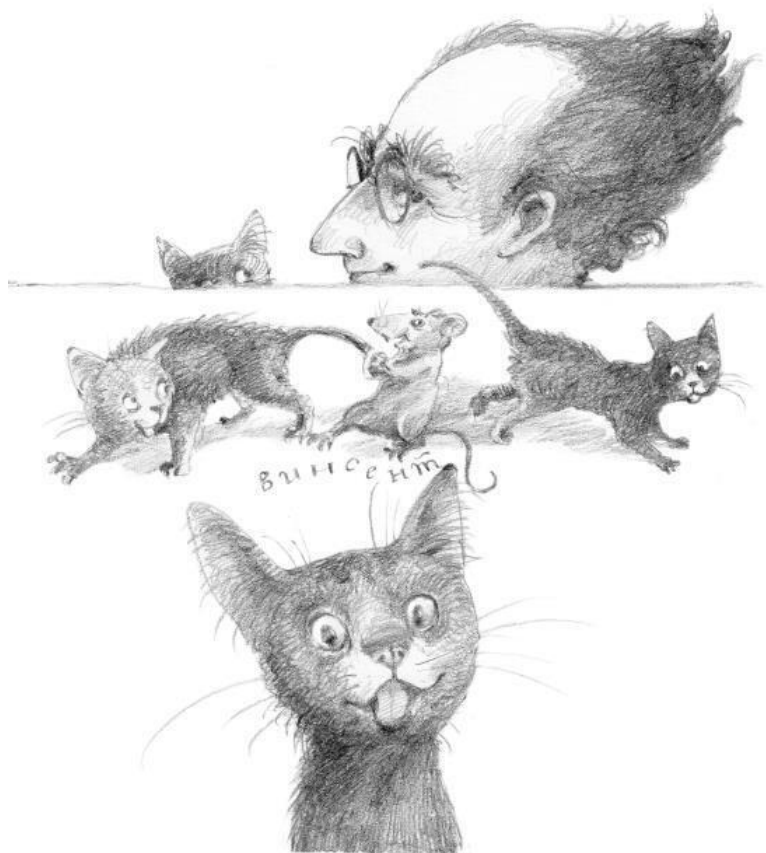
– Кажется, мы начали новую историю в жизни музея, – заметил Винсент.

– Только эта история закончится хорошо. Никто не будет делать из котят бойцов и охранников картин. Никто больше не будет учить их сражаться с мышами. Они будут здесь просто жить, – объявила решительно Мона.

– Эти уж точно. Они считают, что я их дедушка, – рассмеялся Винсент. – Прибегают ко мне играть. Я после них без ног падаю.

– Вот-вот, и я тоже к вечеру на лапах не держусь. Но ведь это такое счастье, – призналась Мона. – Когда вожусь с котятками, хотя бы отступают мысли о Тихоне. Где он? Что с ним? Где Котовский и остальные? Как же я мечтаю, чтобы они вернулись домой.

– Вернутся, обязательно вернутся... – тихо прошептал Винсент. – Коты всегда возвращаются домой.

В это же время в Театре зверей зверствовал, по-другому и не скажешь, Антон Захарович. Его отец – Захар Антонович, пожилой директор и основатель театра, тяжело болел и почти не вставал с кровати. Из новостей он узнал, что его любимицы Нора и Марыся, звёзды театра, сбежали. Дошли до него слухи, которые принесли голуби, что причиной побега стал его единственный, горячо любимый сын Антоша. Голуби же рассказали, что у Марыси тяжёлая травма лапки,

и что Антон Захарович бьёт животных.

После этих известий пожилой директор слёг и угасал на глазах. Врачи не могли поставить верный диагноз и не знали, как лечить Захара Антоновича. Только он знал, в чём причина его болезни – разбитое сердце. Директор не хотел верить новостям, не желал признать, что его единственный сын вырос таким жестоким. Захар Антонович не мог заставить себя встать с кровати и пойти к своим зверям. Он боялся узнать всю правду, потому что в глубине души понимал – правда будет очень горькой. Так бывает с людьми. Они до последнего надеются, что слухи окажутся лишь слухами. Или найдётся другое объяснение произошедшему. Люди ведь любят детей не меньше, чем животные. Только животные готовы биться до последнего за малыша, чтобы дать ему шанс встать на ноги и стать самостоятельным. И после этого отпускают во взрослую жизнь. А люди... Иногда они не готовы отпускать от себя даже взрослых детей, хотя следовало бы. Не желают принимать, что их уже выросшие дети стали плохими, злыми людьми, совершающими ужасные поступки. Люди-родители винят себя за то, что плохо воспитывали своих детей, даже если это совсем не так. Захар Антонович дал своему сыну всё, что мог и даже больше. Но сын вырос чёрствым и злым. Если его отец любил зверей всем сердцем, Антон их ненавидел.

Антон Захарович каждый день просил отца отдать ему театр в полное распоряжение. Но отец отказывался. Просил подождать ещё немного, не спешить, набраться опыта, ведь директор – это не должность, а ответственность. Прежде всего, за своих артистов-зверей. Тогда Антон Захарович, которого интересовали только деньги, решил организовать гастрологи Театра. График составил не просто жёсткий, а невыносимый для зверей. Бесконечные переезды, шатры, в которых от холода невозможно было делать трюки, немели лапы и копыта. Артисты-звери не спали по многу часов, почти не ели, поскольку Антон Захарович сократил рацион, не желая тратиться на свежие фрукты и овощи. Зрители, видя на манеже вялых, чуть ли не больных артистов, которые не в состоянии исполнить даже простой трюк, были недовольны и уходили с середины представления. Требовали вернуть деньги за билеты. Тем более, что в напечатанных афишах Антон Захарович потребовал написать, что Нора и Марыся покажут уникальные номера. Только поэтому многие зрители покупали билеты, желая увидеть своих любимиц на манеже. Некоторые спрашивали, где Нора и Марыся, на что Антон Захарович отвечал, что они приболели, но завтра точно будут участвовать в представлении. Каждый вечер после очередного провала ходил злой, мог пнуть ногой пони или пуделя. Кричал, что звери просто ленятся и не желают работать. Если кто-то из них заболел, Антон Захарович выгонял его на манеж кнутом. Каждое представление становилось насто-

ящей мукой для артистов. Даже люди начинали шептаться – животные выглядят больными и измученными. Едва лапами передвигают. Антон Захарович перевозил зверей из города в город, желая как можно больше заработать на представлениях. Он прекрасно понимал, что на второе представление придёт мало зрителей, поэтому велел собираться и уезжать, не дав отдохнуть зверям.

- Нам нужно причаливать. Пополнить запасы еды и воды.
- «Белка» едва держится на плаву, – сказал Вениамин Тихону.
- Где? – уточнил Тихон.
- В ближайшем городе. Получается... Саратов.
- Хорошо. Будем причаливать. Нам всем нужна передышка, – согласился Тихон.
- Куда дальше и как? – спросил Вениамин.
- Не знаю, Веня, честно, не знаю... – признался Тихон.

– Пришвартуемся, а там видно будет. Пока останемся на барже, выбираясь в город по необходимости. «Белка» маленькая и старая, не сразу привлечёт внимание людей, – предложил пёс.

– Хорошо, – согласился Тихон.

Все были рады оказаться на твёрдой земле. Марыся бежала и кричала, как вкусно всё пахнет, почти так же, как в их родном городе. Владимир Семёнович улетел в ближайший лес. Вениамин, Нора и Тихон осторожно ступали лапами по почве. За время путешествия они отвыкли от камней, песка, травы, земли, привыкнув к гладкой, скользкой поверхности палубы, научившись бегать по ней так же быстро, как по сельской дороге. В воздухе действительно витали другие запахи – или непривычные, или давно забытые.

– Это пахнет сосиской? – принялся Тихон.

– Откуда ты знаешь, как пахнет сосиска? Я думала, что ты ничего, кроме специальных деликатесов для котов, не пробовал! – удивилась Нора.

– От верблюда, точнее, от Котовского! – гордо заявил Тихон.

– И котлетой пахнет, – принялся Вениамин, – настоящей.

– Да, вегетарианцами нам не стать, – рассмеялась Нора. – Пойдём, Тихон, добудем нам настоящего мяса. Я тоже, если честно, больше не могу смотреть на рыбу.

Они побежали по дороге и оказались в посёлке. Запах ис-

ходил из маленького кафе.

– Надо пройти на задний двор. Там наверняка есть мусорка. Найдём обрезки, – предложил Тихон, вспомнив уроки Котовского.

– Вот ещё! – возмутилась Нора, – Надо просто подойти и попросить.

– Ты же сама говорила, что не все люди добрые! – удивился Тихон.

– Мне кажется, здесь нам не откажут, – улыбнулась Нора и оказалась права.

Мужчина жарил на мангале сосиски и мясо. Напевал пес-

ню. Нора появилась, когда он перекладывал мясо на тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.